

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.С.Пермякова

город Санкт-Петербург

12 октября 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 ГПК Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е.С.Пермякова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно абзацу третьему статьи 220 ГПК Российской Федерации суд прекращает производство по делу в случае, если имеется вступившее в законную силу и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон.

В соответствии с частью пятой статьи 135 УПК Российской Федерации требование о возмещении реабилитированному имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, а в силу части первой статьи 138 данного Кодекса в том же порядке производится восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного, причем если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением, то он вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

1.1. Конституционность приведенных норм оспаривает гражданин Е.С.Пермяков, который приговором Железнодорожного городского суда Московской области от 13 апреля 2009 года был осужден к лишению свободы в исправительной колонии строгого режима. Освобожденный 26 марта 2012 года, он обжаловал приговор в кассационном порядке. Постановлением президиума Московского областного суда от 25 ноября 2015 года приговор отменен ввиду отсутствия в действиях Е.С.Пермякова состава

преступления. За ним в соответствии со статьей 134 УПК Российской Федерации признано право на реабилитацию.

Постановлением Железнодорожного городского суда Московской области от 7 февраля 2017 года, вынесенным по правилам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, заявленные Е.С.Пермяковым требования о компенсации имущественного вреда, о восстановлении его трудовых и пенсионных прав удовлетворены в части возмещения расходов на оплату услуг адвокатов и возмещения заработной платы с 13 февраля 2009 года (момент задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) по 4 марта того же года (момент увольнения по собственному желанию) в размере 136 891 руб. 12 коп. Заявитель, обжалуя решение суда, настаивал, чтобы ему возместили почтовые расходы, заработную плату за весь период лишения свободы – поскольку трудовой договор с работодателем по своей инициативе он не расторгал, – а кроме того, заработную плату за время поиска работы после освобождения (с 27 марта по 12 мая 2012 года). Апелляционным постановлением Московского областного суда от 11 апреля 2017 года решение нижестоящего суда изменено и в пользу заявителя взысканы почтовые расходы в размере 419 руб., в остальной части решение оставлено без изменения. Отказывая в возмещении утраченного заработка и в изменении даты и основания увольнения, суды указали, что вопрос о законности увольнения выходит за пределы рассмотрения по правилам статьи 135 УПК Российской Федерации и подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, а доказательств невозможности трудоустроиться заявитель не представил. Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 года заявителю отказано в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, с чем 19 января 2018 года согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Е.С.Пермяков также обратился в Ногинский городской суд Московской области с иском к своему бывшему работодателю об обязанности исправить в

трудовой книжке запись о причине увольнения. Однако определением от 16 марта 2017 года производство по делу прекращено в связи с банкротством работодателя.

Решением того же суда от 24 апреля 2018 года удовлетворено требование Е.С.Пермякова, заявленное в рамках гражданского процесса, о компенсации морального вреда в размере 300 тыс. руб. Производство же по делу в отношении требования о возмещении утраченного заработка прекращено, поскольку, как указал суд, это требование идентично рассмотренному по правилам уголовного процесса и в соответствии с пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» не подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Решение суда первой инстанции оставлено без изменения апелляционным определением Московского областного суда от 17 сентября 2018 года. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2019 года Е.С.Пермякову отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для отмены данного определения (письмо от 28 октября 2019 года).

1.2. По мнению заявителя, оспариваемые им нормы противоречат статьям 19, 35, 37 (части 1 и 3), 45, 46 (части 1 и 2), 52, 53 и 55 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой препятствуют полному возмещению заработной платы гражданину в связи с незаконным привлечением его к уголовной ответственности.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятая статьи 135 и часть первая статьи 138 УПК Российской Федерации

являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на их основании решается вопрос о рассмотрении судом в порядке гражданского судопроизводства требований о возмещении заработной платы, не полученной гражданином в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, если ранее в рамках уголовного процесса его требования о возмещении заработной платы удовлетворены частично и он не согласен с этим судебным решением.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53), реализация которого гарантируется обязанностью государства обеспечивать защиту, в том числе судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2), доступ к правосудию и компенсацию потерпевшим ущерба от преступлений и злоупотреблений властью (статья 52). Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к ней (статья 3), признающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязывающие государство предоставить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Из названных предписаний Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов вытекает, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, обязанность законодателя предусмотреть гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права на реабилитацию для обеспечения лицу полной, действенной и справедливой судебной защиты его права на

возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Исходя из этой своей обязанности, законодатель установил комплексный процессуальный порядок осуществления права реабилитированного на возмещение вреда, предполагающий рассмотрение соответствующих требований по правилам как уголовного, так и гражданского судопроизводства.

3. Согласно части второй статьи 135 УПК Российской Федерации реабилитированный вправе обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда в течение сроков исковой давности, закрепленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов, которыми признано его право на реабилитацию. Часть первая той же статьи позволяет ему заявить в уголовно-процессуальном порядке широкий спектр связанных с возмещением имущественного вреда требований, включая требования о возмещении заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования.

Конституционный Суд Российской Федерации при характеристике норм главы 18 УПК Российской Федерации, посвященной реабилитации, отмечал, что они сообразно предписаниям статей 45, 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации формируют упрощенный по сравнению с исковым порядком режим правовой защиты, освобождая реабилитированного от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда и одновременно предоставляя ему возможность участвовать в доказывании объема компенсации. Такой режим направлен на создание процедурных условий для скорейшего определения размера вреда и скорейшего его возмещения и существует наряду с гражданско-правовыми правилами компенсации вреда (постановления от 2 марта 2010 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения от 8 апреля 2010 года № 524-О-П, от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 года № 1058-О, от 2 апреля 2015 года № 708-О и др.). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации

Федерации в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, предусмотренная названной главой процедура с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращенным, квазиприказным производством, предназначенным для рассмотрения требований реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения. Эта процедура не предполагает наличия у судьи широких пределов усмотрения, поскольку законодатель в названной главе не закрепляет специальных правил доказывания и непосредственно определяет состав денежных средств и имущества, подлежащих возмещению (часть первая статьи 135 УПК Российской Федерации).

В соответствии со статьей 137 УПК Российской Федерации постановление судьи о производстве выплат и возврате имущества может быть обжаловано в порядке, установленном главами 45¹ и 47¹ данного Кодекса. Если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым по правилам уголовного процесса судебным решением, то часть первая статьи 138 данного Кодекса позволяет ему обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с тождественным требованием. Кроме того, в порядке гражданского судопроизводства, согласно части второй статьи 136 данного Кодекса, предъявляются иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении. Такое правовое регулирование, будучи направленным на обеспечение дополнительных гарантий восстановления имущественных и личных неимущественных прав реабилитированных, само по себе не может расцениваться как нарушающее их конституционные права в ситуации, когда положения процессуальных кодексов разрешают вопросы соотношения различных форм защиты нарушенных прав.

3.1. В силу статьи 133 УПК Российской Федерации вред, причиненный гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, в том числе с

учетом статьи 15 ГК Российской Федерации, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда за счет казны Российской Федерации (пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17). Согласно же пункту 2 статьи 15 ГК Российской Федерации под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). В свою очередь, пунктом 1 части первой статьи 135 УПК Российской Федерации установлено, что возмещение реабилитированному имущественного вреда включает и возмещение заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования, т.е., по сути, не полученных им доходов. Действующее законодательство, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не ограничивает право реабилитированных на возмещение вреда только ущербом, причиненным незаконным изъятием имущества, но предполагает также возмещение иных убытков, включая упущенную выгоду (определения от 20 октября 2005 года № 441-О, от 25 февраля 2016 года № 256-О и от 25 мая 2017 года № 1037-О).

Когда лицо осуждается к лишению свободы, трудовые отношения с ним подлежат прекращению по пункту 4 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, а в случае его реабилитации материальную компенсацию за время, в которое оно было лишено возможности трудиться и получать заработную плату, выплачивает Министерство финансов Российской Федерации. Если же лицо было уволено по иному основанию, в частности если расторжение трудового договора произошло по инициативе работника (по собственному желанию), то это само по себе не лишает реабилитированного права требовать возмещения утраченного заработка, но уже не в том размере, который был предусмотрен трудовым договором.

При несогласии лица с основанием увольнения оно не лишено права своевременно – в пределах установленного Трудовым кодексом Российской Федерации срока – обжаловать законность увольнения в суде. При этом даже в случае ликвидации (банкротства) организации-работодателя у лица имеется возможность обратиться к данным государственных и муниципальных архивов, куда в обязательном порядке передаются все документы, касающиеся финансово-экономической деятельности организации, в том числе затрагивающие права работников. Контроль за соблюдением таких правил и привлечение виновных в их нарушении к ответственности возлагаются на государство. Иными словами, реабилитированному, уволенному в период содержания под стражей или отбывания наказания в виде лишения свободы, предоставлены правовые механизмы, позволяющие доказывать незаконность увольнения из организации, прекратившей свою деятельность (ликвидация, банкротство), с целью реализации им права на полное возмещение имущественного вреда, причиненного незаконным осуждением.

4. Из буквального смысла статьи 138 УПК Российской Федерации следует, что реабилитированный после рассмотрения его требований в уголовно-процессуальном порядке (не обязательно во всех инстанциях) вправе заявить их в порядке гражданского судопроизводства, причем итоги рассмотрения требований по правилам главы 18 данного Кодекса не обязательны для суда, рассматривающего те же требования в порядке гражданского судопроизводства, и не определяют подлежащее принятию судом решение.

Вместе с тем абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации относит прекращение производства по делу к процессуальным последствиям заявления в суд тех требований, которые однажды уже были рассмотрены судом в порядке гражданского судопроизводства. Причем эта норма, а равно пункт 2 части первой статьи 134 данного Кодекса об отказе в принятии искового заявления, закрепляя совпадение сторон, предмета и оснований спора в качестве критерия тождественности заявленных требований, при

наличии которой проявляет себя свойство исключительности вступивших в законную силу судебных актов, наделяют таким свойством только вступившие в законную силу решения суда и определения суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или в связи с утверждением мирового соглашения сторон, т.е. акты, касающиеся разрешения спора о праве в состязательной форме.

Такое регулирование соотносится с подходом Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно отмечавшего, что пункт 2 части первой статьи 134 и абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации исключают возможность производства по делу только в случаях, когда право на судебную защиту (право на судебное рассмотрение спора) было реализовано в состоявшемся ранее на основе принципов равноправия и состязательности сторон судебном процессе. Эти нормы направлены на пресечение рассмотрения судами тождественных требований, не содержат неопределенности и не могут расцениваться как нарушающие конституционные права. Установление же в каждом конкретном случае того, имеются ли причины для прекращения производства по делу, включая вступившее в законную силу и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение суда, – исключительная прерогатива суда, которая вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и служит проявлением его дискреционных полномочий. При этом гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, являются процедуры проверки судебных актов вышестоящими судами и поводы к их отмене или изменению (определения от 18 апреля 2006 года № 93-О, от 21 октября 2008 года № 808-О-О, от 25 ноября 2020 года № 2812-О, от 26 февраля 2021 года № 257-О, от 26 апреля 2021 года № 710-О и др.).

Следовательно, исходя из фундаментального характера права на судебную защиту, правоприменители, разрешая вопрос о прекращении производства по делу в соответствии с абзацем третьим статьи 220 ГПК Российской Федерации, должны учитывать не только критерий тождества заявленных требований (стороны, предмет, основания), но и характер

процедуры, в которой требования ранее рассматривались, и свойства принятого по ее итогам судебного акта, – эта процедура должна быть состязательной и основываться на всех применимых конституционных и отраслевых принципах и гарантиях надлежащего отправления правосудия.

4.1. Исходя непосредственно из текста части первой статьи 138 УПК Российской Федерации, само по себе наличие решения суда, вынесенного по правилам его глав 18 (о реабилитации) и 47 (об исполнении приговора) и вступившего в законную силу, не должно расцениваться как обстоятельство, исключающее новое (повторное) рассмотрение соответствующих требований реабилитированного уже в порядке гражданского судопроизводства, хотя право на судебную защиту и было реализовано в состоявшемся ранее на основе принципов равноправия и состязательности сторон судебном процессе, в котором рассматривались тождественные требования. В то же время поскольку это означает, по сути, возможность принятия судами разной юрисдикции взаимоисключающих решений, то такое толкование действующего регулирования может привести к преодолению обязательности судебных актов, вступивших в законную силу. Потому вопросы процессуального порядка надлежащей – с точки зрения конституционных начал – защиты прав лиц, пострадавших от незаконного или необоснованного уголовного преследования, требуют обеспечения разумного баланса между принципом беспрепятственной реализации права на реабилитацию, с одной стороны, и, с другой – принципом стабильности судебных актов и связанным с ним принципом правовой определенности. Такой баланс может быть достигнут и путем осуществления Верховным Судом Российской Федерации возложенной на него статьей 126 Конституции Российской Федерации функции давать разъяснения по вопросам судебной практики.

Так, чтобы исключить принятие судами взаимопротиворечащих решений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации – имея в виду необходимость обеспечить правовую определенность и единообразие судебной практики в отношении требований реабилитированного о

возмещении имущественного вреда – в пункте 10 постановления от 29 ноября 2011 года № 17 дал следующие разъяснения: суд, рассматривающий эти требования в порядке главы 18 УПК Российской Федерации, вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от их доказанности представленными сторонами и собранными судом доказательствами; в части требований, оставленных без рассмотрения по правилам уголовного процесса, реабилитированный вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства; требования реабилитированного в той части, в которой они были разрешены по существу по правилам уголовного процесса, не подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Это толкование процессуальных норм исходит из предположения, что предусмотренный в названной главе порядок является основным и состязательным, а его исчерпание, за исключением прямо закрепленных законом случаев, необходимо, если требования реабилитированного оставлены без рассмотрения и тот намерен обратиться в суд по правилам гражданского судопроизводства.

Данный подход к проблеме не опровергается в принципиальном плане и процитированной выше правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 14 ноября 2017 года № 28-П, об оценке процедуры рассмотрения требований реабилитированного, предусмотренной главой 18 УПК Российской Федерации, как ускоренного, сокращенного, квазиприказного производства, поскольку не ставится под сомнение, что с точки зрения действующей модели правового регулирования она фактически является рассмотрением гражданского, а не уголовного дела, хотя и в особой форме. В силу этого судебные решения, вынесенные в рамках указанной процедуры, обладают по общему правилу свойством исключительности применительно как к уголовному, так и к гражданскому судопроизводству, что вытекает из смысла статей 134 и 220 ГПК Российской Федерации в их системной связи с главами 18 и 47 УПК Российской Федерации. Тем самым, даже сужая возможности реабилитированных реализовать право на рассмотрение тех же требований в

порядке гражданского судопроизводства, соответствующие нормы не могут расцениваться как вступающие в противоречие с их правом на судебную защиту, тем более что иное вело бы к нарушению принципов равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон процесса (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации), а также принципа правовой определенности.

4.2. Предоставленное суду, разрешающему требования реабилитированного по правилам главы 18 УПК Российской Федерации, право оставить отдельные его требования без рассмотрения – на наличие которого обращено внимание в приведенных разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации – соотносится с указанием в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 28-П на использование уголовно-процессуального порядка восстановления прав реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, определяющих размер возмещения. Суды, соответственно, должны оценивать, имеет ли место такой спор и не может ли он быть более эффективным образом разрешен – для обеспечения полной, действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, – в рамках именно гражданского судопроизводства с учетом особенностей его инструментария. Будучи предназначенными для скорейшего разрешения требований реабилитированного в условиях отсутствия такого спора, положения главы 18 УПК Российской Федерации предполагают следующее: если суд, рассматривая вопрос о возмещении реабилитированному заработной платы, не находит оснований для возмещения вреда в заявленном объеме в связи с наличием спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре названной главы, а в рамках гражданского процесса, то он компетентен, установив, что это отвечает целям наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, в соответствующей части оставить требования реабилитированного без рассмотрения, с тем чтобы дать ему возможность обратиться за защитой своих прав в порядке

гражданского судопроизводства. Когда же несогласие реабилитированного с принятым по правилам данного Кодекса судебным решением выразилось в подаче им апелляционной или кассационной жалобы, полномочие оставить спорное требование без рассмотрения по указанным основаниям может быть реализовано вышестоящим судом с одновременной отменой решения суда нижестоящей инстанции в соответствующей части.

Таким образом, абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятая статьи 135 и часть первая статьи 138 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования данные нормы не препятствуют реабилитированному заявить требования о возмещении заработной платы, не полученной им в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, а равно поскольку данные нормы, исходя из их конституционно-правового смысла, не препятствуют суду, рассматривающему дело в порядке уголовного судопроизводства, принять решение об оставлении спорного требования без рассмотрения в целях наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, если суд усматривает наличие спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре главы 18 УПК Российской Федерации, а в рамках гражданского процесса.

Вместе с тем законодатель не лишен возможности внести в правовой механизм реабилитации, предусмотренный названной главой, изменения, направленные на совершенствование процессуального порядка защиты права реабилитированных на компенсацию вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

5. Как следует из представленных Е.С.Пермяковым материалов, принимая решение о компенсации заработной платы, утраченной им ввиду уголовного преследования, лишь за период, предшествующий его увольнению, Железнодорожный городской суд Московской области исходил из необходимости оспаривания даты и основания увольнения в порядке

гражданского судопроизводства. Между тем исковое производство по соответствующим требованиям прекращено Ногинским городским судом Московской области в связи с ликвидацией работодателя. Рассматривая впоследствии требования реабилитированного о компенсации заработной платы в рамках гражданского процесса, суд сослался на это решение, согласившись с размером компенсации, определенным в порядке реабилитации, поскольку каких-либо фактических обстоятельств, могущих послужить основанием для иного вывода, не было установлено.

Тем самым невозможность реализации права Е.С.Пермякова на полный размер возмещения, с которой он связывает нарушение своих конституционных прав, обусловлена не столько результатами предшествующего рассмотрения его требований по правилам уголовного процесса, сколько наличием решения суда о прекращении производства по другому – гражданскому делу. Оценка же выводов судов о степени существенности тех или иных обстоятельств для разрешения заявленных в конкретном деле требований не может быть дана Конституционным Судом Российской Федерации, который в силу статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

При таких обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», приходит к выводу, что отсутствуют основания для пересмотра правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявителя.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О

Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац третий статьи 220 ГПК Российской Федерации, часть пятую статьи 135 и часть первую статьи 138 УПК Российской Федерации – как позволяющие реабилитированному заявлять требования о возмещении заработной платы, не полученной им в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, а также как позволяющие судам, рассматривающим дело в порядке уголовного судопроизводства, исходя из конституционно-правового смысла данных положений в системе действующего правового регулирования принимать решение об оставлении спорного требования без рассмотрения в целях наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, если они усматривают наличие такого спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре главы 18 УПК Российской Федерации, а в рамках гражданского процесса, – не противоречащими Конституции Российской Федерации.

2. В правоприменительной практике должно обеспечиваться применение абзаца третьего статьи 220 ГПК Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 УПК Российской Федерации в соответствии с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 44-П

Конституционный Суд
Российской Федерации